

АКВАРЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ

Ангелов было четверо. Они стояли на вершине разбитой колокольни высоко над землей. Это были дети. Так они выглядели. Старшему лет десять, младшему где-то пять. Белые платица, серебряные мечи и белые ободки на светлых волосах. Маленькая березка прижилась на высоте в расщелине стены, и ее ветки колыхались над обломками. Внизу здание бывших монастырских келий и трапезной частично освещено. Там укладывались спать. Это был детский дом. Протрубили отбой. На кухне открыто окно, что-то гремит, течет вода, моют какую-то большую кастрюлю, вполголоса переговариваются. Кто-то чистит картошку на завтра. Где-то в стороне за лесом проехал поезд. Еще светло, солнце не село, запад озарен розовым и оранжевым светом. Первая звезда уже зажглась. Ангелы молчали. Они ждали. Когда все стихло, погас везде свет, тогда слышалась молитва. Она звучала то шепотом, то вполголоса, потом замолкала, опять звучала. Слышался вздох, потом снова. Они слушали внимательно, опустив головы. Наконец стало тихо. Солнце давно ушло за горизонт и высыпали звезды. Было уже далеко за полночь.

Тогда заговорили ангелы. Старший из них объявил:

— Вы слышали всё. Мы посланы сюда, чтобы ответить на молитву.

Снова наступила тишина. Потом тот, что помладше, по имени Керен ответил:

— Разве это возможно? Молитва одна. А людей здесь много.

— Силы неравные, - вступил Давар.

— Зато Анна одна просит за всех, - сказал Шамуэль, самый младший.

Анна была монахиней. Она родилась в конце 19 века и очень рано лет пятнадцати ушла в монастырь. Когда монастырь разорили, Бог сохранил ее от расправы и от тюрьмы. Игуменья дала ей послушание, уйти жить среди мирян, быть тайной монахиней и служить людям. В этом же монастыре организовали детский дом, и Анна, устроившись нянечкой, посвятила себя сиротам и брошенным детям. Это была ее семья. За них она и молилась, о спасение душ.

— Вы забываете о тех, кто ушел в вечность, - это снова старший, его звали Савва, он показал глазами на небо.

— И среди них есть священники и монахи, - добавил младший.

— Все же здесь много неверующих, - с сомнением покачал головой Керен.

— Но это же дети. Их можно научить, - Шамуэль заглянул Керену в глаза.

— Мы обязаны помочь, - Савва приподнял меч.

— С чего начнем? – Давар тряхнул головой.

— Начнем с художника, - Савва словно уже имел план действий.

— Ему нужна защита, - Шамуэль просительно взглянул на старшего.

— И его нужно научить, - задумчиво произнес Керен.

— Защитим. И научим. С нами Господь!

Они подняли свои мечи к небу, и вдруг стали невидимы. Какая-то птица прокричала в лесу, налетел ветер. Березка затрепетала на ветру. И все стихло.

Юрчик был долговязый и худющий. Брюки у него вечно короткие, рубашка мала. Он к тому же сутулился, и даже роскошные, пшеничного цвета волнистые волосы, лежали лохматой копной на голове, добавляя ему росту. К тому же он постоянно чувствовал голод. Отчим все пропивал, дрался, мать его боялась и не смела досыта накормить сына при

нем. А поскольку отчим не работал и постоянно околачивался дома, то и приходилось парню частенько оставаться голодным.

В местной группировке он был шестеркой. Руководил всем один авторитет по кличке Сазан, а поскольку Юрчик в свои шестнадцать лет даже на учете в милиции не состоял, то и цена ему была никакая. С ним обращались снисходительно покровительственно, но не трогали. Вот бегал он быстро. Поэтому ни разу не попался, когда что-нибудь крал, в основном съестное. На серьезные вылазки его не брали, доверия не внушал.

В детдоме у него было одно дело. Там парнишка жил знакомый с их двора, родителей лишили родительских прав, а Леньку отдали в детдом, на казенные харчи. Вот за харчами то он и приходил. Ленька его на пять лет младше, Юрчик его припугивал иногда, на всякий случай, чтобы боялся, ну и чтобы делился едой. Ленька делился и боялся. Уже полчаса, как он должен прийти сюда за сарай, но видно не мог. Воспитатель никуда не уходит. Наконец прибежал испуганный, со свертком под мышкой и с виноватым взглядом.

— Слушай, ты, я тебя почему жд́ать должен? —
Юрчик угрожающе наклонился вперед.

— Воспитательница все время на площадке,
никак не мог уйти, - Ленька немного отпрянул.

— Принес?

— Принес. Вот, здесь полдник и от обеда... — он
подавал ему завернутый в газету бутерброд с
котлетой с двумя кусками хлеба сверху и снизу, а
наверху еще две печеньки от полдника. А яблоко
вытащил из кармана и отдал отдельно.

— Давай сюда. Деньги есть?

— Откуда, Юрчик? Ко мне же никто не ездит. Ты
знаешь. — Ленька даже возмутился.

— А к кому ездят?

— Ну к некоторым... - уклончиво ответил
паренек.

— Значит так. Мне нужны деньги. Думай, у кого
можно взять. У младших пацанов возьми, у
девчонок.

— Да как я возьму? Они нажалуются
воспитателю.

— А ты пригрозил.

— Да не умею я, Юрчик.

— Тогда укради. Ты же в спальне с ребятами,
посмотри куда кладут и возьми. Ночью, когда
спят, или днем, когда все гуляют.

— Да не могу я.

— А это видал? — он показал кулак. Кулак у него здоровый. Может поэтому его и не трогали.

Ленька молчал.

— Я спрашиваю. Отвечать надо.

— Видал.

— Попробовать хочешь?

— Нет.

— Значит все понял, - Юрчик добродушно погладил его по голове, - Завтра в это же время. И попробуй кому-нибудь скажи, он достал складной нож...

— Я никому не скажу.

В это время раздался звонкий голос воспитателя Галины Макаровны:

— Соколов! Соколов, ты опять за территорию уходишь? Что тебе там нужно, около сарая? Что негде больше гулять? Иди на площадку. Я кому говорю?

— Легко отделался сегодня. Завтра чтоб деньги принес! — Юрчик быстро повернулся и побежал через пустырь.

Ленька побрел на площадку. Настроение было ужасное. Нужно что-то делать. Ни отнять, ни украсть

он не мог. Это исключено. Юрчик шпана. Мог и ножом. Он с такими бандитами ходит. Может Нине Петровне сказать, директору. Она хорошая. Она в милицию заявит. Нет, это еще хуже. Юрчик же не один, их много. Одного заберут, остальные отомстят. Нужно уходить из города, из детдома. А куда? Где-то у мамы сестра живет, но это далеко. Денег нет на поезд. Да и кто ему билет продаст на пассажирский поезд одному. Ему только одиннадцать лет. Надо идти на вокзал. Там хоть как-нибудь можно пробраться в вагон. Только бы уехать. Уехать. Пока светло. Что с собой взять? Он побежал в корпус, взял перочинный ножик, фонарик, карандаш, альбом и пятнадцать копеек. Он нашел их давно на остановке, мечтал купить мороженое, а Юрчику конечно соврал, что нет денег. Это все, что у него было ценного. Вышел на улицу, сел на скамейку возле окна, немного собраться с мыслями. Мимо бежал Алешка, они с пацанами в войнушку играли. Алешка младше его на два года, но они дружили.

— Ленька, ты че?

— Да так.

— Я думал что-нибудь случилось.

— А что, по мне заметно?

— Ага. Какой-то невеселый. Каникулы летние начинаются, а ты не радуешься.

— Слушай, Алешка, а ты умеешь секреты хранить?

— Конечно умею, - он подсел к нему на скамейку.

— Честно-честно?

— Честно-честно!

— Ну смотри... понимаешь, Алешка, мне нужно убежать.

— Совсем из детского дома!?

— Совсем.

— А куда же ты пойдешь?

— Я еще сам не знаю куда. Главное, мне нужно уйти. И уйти нужно сегодня. Или вечером, или ночью.

— Ну я бы побоялся... А что это у тебя за альбом?

— На, посмотри, - Ленька равнодушно протянул ему альбом.

— Ух ты! Это ты рисовал!? Вот это самолетики! Это наш истребитель, да? А это фашист.

— Мессершмитт.

— Здорово. А это парусник. А это кто? Похоже нарисовано! Вот здесь еще. Даже меня нарисовал? И ты никому не показывал?!

— Никому. Слушай, Алешка. Ты можешь этот альбом сохранить? Я осенью к школе, может быть вернусь.

— Конечно могу... Я его под матрац положу, и никто не найдет. Только ты возвращайся обязательно... А то я тут скучать буду.

— Я тоже... но мне очень нужно уйти. Не могу тебе объяснить. Может быть потом когда-нибудь. Так. Обещай мне, что не будешь ходить за территорию, и держись подальше от сарая, там шпана иногда появляется. Обещаешь?

— Обещаю.

— Ну иди посмотри, где Галина Макаровна, скажешь мне.

— Я бегом, - он возвращается почти сразу, - она в кастилянную¹ пошла.

— Ну все, пока, Алешка!

Ленька подбежал к монастырской стене пробрался через дырку и побежал в сторону города. На верху колокольной появились двое: Савва и Шамуэль. Они сидели на краю башни и смотрели вслед мальчику. Видимо они были здесь уже давно и наблюдали обе сцены с самого начала. Старший встал.

— Полетишь за ним. Прикроешь его. Посади в товарный поезд, который идет на восток. Около

¹ Кастилянная в детском доме это комната, где хранится чистая и глаженная одежда и белье для детей.

старого кедра над озером останови поезд.

Проводишь его прямо в скит к отцу Спиридону.

— Все сделаю, Савва.

Шамуэль бросился вниз, раскинув крылья, они были широкие и светлые, но он сразу же стал невидим. Савва еще постоял на колокольне. Потом тоже исчез.

Ленька добежал до конечной остановки трамвая, прямо за большим пустырем, купил за три копейки билет и поехал на вокзал. Народу много, конец рабочего дня, и никто не обратил на него внимания. На вокзале он пошел смотреть расписание. Потом понял, что голоден. Обедом и полдником он поделился с Юрчиком, а на ужин не остался. Решил истратить имевшиеся деньги: купил два пирожка с ливером по пять копеек и два стакана газированной воды без сиропа¹. Поел. Деньги кончились. Нужно думать, как уехать, и еще чтобы не попасть случайно на глаза Юрчику, благо тот длинный и заметный, а у Леньки глаза зоркие, и он все видел хорошо. Когда он просматривал расписание поездов, кто-то стал тянуть его за рубашку. Он глянул вниз – мальчик лет пяти. Похож на бездомного. Все на нем ободранное, но какое-то странно чистое.

¹ Цены в СССР в 1965 году

— Купи мне пирожок. А то мне не продадут одному. Вот у меня денежка есть.

— Откуда у тебя деньги? Двадцать копеек. И откуда ты сам? Родители твои где?

— Родителей у меня нет, а денежку я нашел.

— Какой тебе пирожок?

— Мне с повидлом и с капустой. Бери на все.

Ленька не раздумывая подошел к лотку, взял пирожки в бумажном кульке, отдал мальчику.

— На, ешь. Где же ты спишь?

— А я не сплю, - он не стал есть и нес кулек в руке, - я сижу или гуляю.

— Видишь ли, я сейчас занят, - мальчик слушал немного рассеяно и не обратил внимания на странный ответ, - мне нужно расписание поездов.

— Я знаю расписание. Я здесь на вокзале вообще все знаю. А зачем тебе? У тебя же денег на билет нету.

— Откуда ты узнал?

— Догадался. Да тебе и не продадут билет. Это пирожки ты можешь купить сам. А билет без взрослых не продадут. Поехали лучше товарным поездом. Там площадка есть тормозная с одной стороны вагона. Сядем и поедем.

— Ты какой-то чудной. Такой мелкий, а столько знаешь. Ездил что ли уже?

— Видел, как другие ездят. Вполне безопасно, да и тепло сейчас, лето, не замерзнешь. Скоро поезд пойдет с дальнего пути. Пойдем?

— Ну пойдем. И правда ты чудной. Как тебя звать?

— Можешь Сёмой звать.

— А меня Лёнька зовут.

— Нам через туннель, а потом через пути, вон туда.

Они прошли через туннель, дошли до товарняка, нашли площадку и залезли. Действительно, площадка была отличная. Главное никого нет. Скоро поезд тронулся. Лёнька чувствовал себя счастливым. Город оставался позади, Юрчик тоже. С этим маленьким Семой он почему-то был спокоен и ничего не боялся. Они болтали о чем-то и смеялись. Сема угостил его пирожками с повидлом, а на сытый желудок жизнь вообще казалась прекрасной. Стало уже темно и поздно, и хотелось спать. Тут младший друг его снова удивил. Оказывается, у него за спиной был рюкзачок, которого Лёнька совершенно не заметил. Это с его то способностью все подмечать. В рюкзачке оказалось детское одеяло с подстилкой. Сема расстелил подстилку на площадке.

— Ложись, уже темно. Нужно спать.

— А ты?

— Давай по очереди. Вначале ты, а потом я. Я тебя разбужу. Ложись.

Сема закрыл его одеялом и отошел на другой край площадки. Было уже прохладно, Ленька поежился под одеялом, и тут понял, что оно ему почему-то совсем не мало и вдруг провалился в сон. Он так переволновался в этот день, так устал, что его просто срубило. Сема и правда разбудил его. Но это было уже раннее утро. У Семы нашлась и бутылка с водой. Он полил Леньке, чтобы умыться и достал кулек с оставшимися пирожками.

— Ешь.

— Это же твои.

— Я уже сыт. У меня еще другая еда есть. К тому же, я столько не съем, и они пропадут. Днем жарко будет.

— Спасибо, - мальчик взял кулек.

Он поел, попил воды. Еда была удивительно вкусная. Какой странный этот Сема. Он еще раз поблагодарил его. Поезд шел полным ходом. Потом Ленька перестал задаваться вопросами и молча любовался природой. Он никогда не видел такой красоты. Хотелось остановиться, взять карандаш и рисовать. Когда проезжали над озером, увидели старый раскидистый кедр. И тут вдруг поезд засвистел, стал замедляться, потом заскрежетали тормоза и состав встал.

- Почему мы встали? Это же не станция.
Кругом лес. Может что-то случилось?
- Наверное, лось на дорогу вышел, на рельсы,
вот поезд и остановился. Давай, слезем здесь.
- Да здесь никакого жилья нет.
- Пойдем, нам дальше и не нужно, посмотрим
на озеро.

Сема потянул Леньку за руку, и они спустились с подножки прямо на откос, поросший травой. Поезд лязгнул, тряхнулся с грохотом, и сперва медленно, затем все быстрее пошел вперед. Было еще утро и прохладно. Они подошли к озеру. Вода была очень чистая, каждый камушек на дне виден. Рыбы подплывали прямо к берегу.

- Вот бы поймать. А что мы будем здесь
делать?
- Здесь есть тропинка через лес. Пойдем по ней.
- И куда она нас приведет?
- Увидишь.

Ленька перестал задавать вопросы. Он шел и думал. Кто такой этот Сема? Как будто ребенок, а ведет себя как старший. Они и правда увидели едва заметную тропинку и пошли по ней. Лес был чудесный. Во-первых, он пел. Пел голосами каких-то

незнакомых птиц. Лес был словно живой, светлый, и очень приветливый. Сосны были любимым Ленькиным деревом. Внизу кора шероховатая и темная, а сверху словно золотистая. Кроны пропускали солнечный свет, золото коры отражало его, и весь лес наполнялся теплым светом. Травам было раздолье. Цветы бушевали и привлекали взгляд. Дети долго шли, не чувствуя усталости. Наконец Сема предложил отдохнуть. Они молча сели на траву, слушая звон кузнечиков и шмелей. Странно то, что, не зная куда и зачем идет, Ленька не испытывал ни страха, ни тревоги. Было спокойно и как-то беззаботно. Вдруг послышалось где-то за деревьями чудное пение, ни на что не похожее, и они увидели вдали человека, довольно необычно одетого. Это был мужчина с бородкой в длинном черном платье с длинными рукавами, с ремнем на поясе и черной шапочкой на голове. В руках у него была корзинка с травой.

— Знаешь, это очень хороший человек, вон тот, который идет, не бойся его, он тебе поможет, - Сема кивнул на идущего, - мы с ним знакомы. Слушай, я совсем забыл. У меня одно дело в городе есть. В общем мне пора, еще увидимся, — Сема встал и, помахав рукой, побежал назад по тропинке.

— Подожди, а как же ты доберешься до города?

— Ленька вскочил изумленный, он даже забыл

про странного человека в черном. А если сказать честно, он вдруг испугался, что останется один. Он испугался и за Сему: что с ним будет? Что он задумал этот удивительный малыш? Он такой маленький, с детскими наивными глазами, и кажется таким беззащитным и в то же время таким независимым и сообразительным. Ленька уже успел к нему привязаться.

— Товарным поездом, - Сема словно удивился недогадливости товарища.

— Да ты что? Поезд здесь не останавливается, - он запнулся, - не должен останавливаться, - он совсем запутался и растерянно замолчал.

— Когда нужно, то всегда остановится, - ребенок улыбнулся своей неотразимой улыбкой, и еще раз махнув на прощание, убежал легко подпрыгивая по тропинке, и скоро совсем исчез из виду.

На мальчика вдруг навалилось одиночество и печаль расставания. Кто этот Сема? Почему он исчез? Что это за место, и кто этот человек, который идет к нему по лесу? Почему мальчик не захотел встретиться с ним? Именно так он понял все, что Сема не хотел встречаться с этим незнакомцем, хотя знал его. Одни загадки. Ленька повернулся к подошедшему.

— Здравствуйте. А вы кто?

— Зиновием зовут. А тебя?

— Я Ленька... Я кажется заблудился.

— Как же ты сюда попал? Тут места глухие и от жилья далеко. Куда путь держишь?

— Не знаю. Мне нужно подальше уйти.

— Подальше от кого?

— От одного человека.

— Вот как. У тебя нédруг есть.

— Да. Я из детдома убежал.

— Понятно. Есть хочешь?

— Хочу, - только сейчас он осознал, что день уже перешел за половину, что он действительно проголодался.

— Садись, потрапéзничаем.

— Чего?

— Потрапéзничаем. Покушаем значит.

— Чуднóе какое слово.

Отец Зиновий, а это был монах, поставил на землю корзинку, достал откуда-то из-под низу сверток, разложил еду, помолился, перекрестил пищу и предложил мальчику.

— Бери, ешь.

— А что это вы такое делали?

— Молился, пищу освящал.

— Разве есть сейчас такие люди, которые молятся?

— Есть, как видишь.

— А зачем вам трава? Вы ходили траву собирать?

— Да это я запасы делаю на зиму, — он улыбнулся, — вот это — для чая, зимой завариваем душистый лесной чай. А это целебные травы. Их как раз нужно собирать во время цветения. Сейчас самая пора заготовок. А на чем же ты добирался сюда?

— До вокзала на трамвае, а там на товарный поезд сел, на тормозную площадку. Так и ехал. А потом поезд встал около озера, где кедр растет, я и соскочил. Поезд дальше пошел, а я пешком пошел прямо в лес, — Ленька решил не выдавать Сему, и рассказывал все в единственном числе. Еще его удивило то, что незнакомец ничего и не спрашивал про Сему. Ведь он же не мог его не заметить, когда подходил.

— Подожди, ты говоришь шел от железной дороги от озера. Но здесь по лесу 200 км. Сколько же дней ты шел? Ты ничего не перепутал? - незнакомец смотрел очень недоверчиво.

— Да нет. Я шел от озера по тропинке, вот по этой, - он обернулся в ту сторону, куда убежал Сема, но тропинки там не было..., - Я не знаю. Со мной что-то случилось... непонятное..., - он не знал, что сказать, как объяснить то, что было и замолчал, потом спросил робко, - а вы кто?

— Монах, - он ответил, задумчиво глядя на паренька, что же с ним произошло, может он врёт, но откуда же тогда он здесь взялся.

— В жизни монахов не видел. А где вы живете? Здесь прямо в лесу?

— В скиту живу. Здесь недалеко.

— Я никогда скит не видел. Что это такое?

— Пойдем и увидишь. Погостишь. Только у нас, Леонид жизнь строгая. Тебе скучно покажется.

— А кто там еще живет?

— Двое нас. Отец Спиридон, да я. Идем.

Отец Спиридон был очень стареньким, худым, согбенным человеком с седой редкой бородой и добрыми детскими глазами. Он посмотрел на Ленку и покачал головой.

— Не нужно ничего бояться. Здесь тебя не обидят. Поживи пока. А ты, Зиновий покажи ему келью и мастерскую. Да и займитесь делами. А мне пора на молитву.

И он повернувшись пошел в деревянный храм, а они пошли в дом, стоявший под соснами. Дом обычный деревенский. Подальше стоял сарайчик, а около него сложены штабелями дрова. В доме две кельи, кухонька и мастерская. На стенах везде висели иконы. Мальчик осматривал все с интересом. Вначале

они разобрали и развесили травы, потом пошли за водой. Место было очень красивое. Прямо за домом дорога спускалась к озеру, местами из земли выступали огромные валуны, покрытые мхом. Ленка все примечал, все было необычно. На берегу родник, обложенный камнем, вода вытекала из трубочки, вставленной между камнями повыше, и переливаясь через камни уходила в озеро. Они набрали воды и понесли в дом. Зиновий растопил маленькую плитку и начал готовить ужин. Иконы были разные. Старые темные на потрескавшихся досках и красивые новые. Большие и маленькие. В келье висела перед иконами лампадка, стоял складной аналой, на котором лежала книга. На столе у окна тоже книги и четки. В простенке между окнами комод, покрытый салфеткой. На нем иконы, подсвечник, и книги с закладками. В углу застеленная кровать, вдоль стены широкая лавка, сундук, покрытый половиком. В противоположной стене дверь в мастерскую. На полу половики. Было очень чисто.

На ужин была жареная рыба, картошка, политая постным маслом, и посыпанная укропом и соленые огурцы. Потом душистый чай с очень вкусным и необычным медовым вареньем из клюквы и орехов. Спать его положили на сундук, устроив ему там

постель из соломенного матраца, соломенной же подушки и шерстяного одеяла. Спал он как убитый, выспался и с радостью осмотревшись утром, понял, что ему здесь очень нравится. Окно было открыто, лес пел трелями невидимых птиц. Зиновия в келье не было. Ленька вышел осмотреться, увидел, что в храме открыта дверь. Он осторожно подошел и заглянул внутрь. Старый иеромонах служил литургию, Зиновий читал и пел на клиросе. Мальчик побоялся заходить. Что-то останавливало его.

Выяснилось, что он некрещеный. Так, в разговоре он вспомнил, как мама говорила, что надо бы его окрестить, да все никак. Храма в городе не было, нужно ехать в областной центр. Так и не собрались. Старец спросил его, хочет ли он сам креститься. Ленька конечно хотел. Во-первых, этого хотела мама, а он ее любил. А во-вторых ему нравились эти люди, нравилась их вера, и все это оваяно такой тайной и каким-то чудом. Его окрестили через несколько дней, объяснив в чем смысл крещения. Крестным отцом был Зиновий. Это был праздник. Он чувствовал, что породнился с небом и породнился как-то непостижимо с отцом Зиновием. И у него теперь есть ангел хранитель. Это так волнующе и чудесно. И вообще он теперь здесь не чужой. Он крестник.

Дни летели незаметно. Отрок выучился читать по старо-славянски и читал Псалтырь на вечерней службе. Многие слова казались непонятны, но это его не смущало. Часто он спрашивал крестного о значении того или иного места, и тот ему охотно все объяснял. Они вообще часто были вместе. Мальчик тянулся к нему. В детдоме были одни женщины, они не заменяли ему маму, он не мог ни с одной из них поговорить по душам, поделиться чем-то. А вот с Зиновием он легко разговаривал. Тому было около тридцати лет, и он его понимал, сочувствовал ему, а мог дать и хороший совет. Как будто старший брат. Это было очень ценно. Они подружились. Все делали вместе: ловили рыбу, ходили за дровами, собирали валежник тащили волоком до скита и распиливали на поленья, заготавливали хворост для приготовления еды. В хозяйстве был огород и небольшая пасека. Окучивали картошку, пололи, ходили за ягодами. Ягод было много. Черника сплошь покрывала лежащую недалеко черничную гору, так они ее называли, напротив нее на холме среди сосен обильно росла брусника, около заболоченного оврага много клюквы, и чуть вдали от скита заросли дикой малины и смородины. А на высоком берегу около озера на припеке среди редких

берез росла земляника. Из ягод и старого меда Зиновий варил варенье, а Ленька был как ординарец при нем. Когда пошли грибы, они ходили и за грибами, благо они росли кругом и ходить недалеко, сушили их, солили, жарили. Еще готовили еду, убирались в кельях. Но больше всего нравилось работать в мастерской. Оказывается, Зиновий был иконописец. Он писал иконы. В скит иногда приезжал кто-нибудь по озеру на лодке и привозил краски, кисти, олифу и прочее по заказу мастера. Привозили и продукты: крупы, соль, спички, подсолнечное масло, сахар. А увозили готовые иконы. Все это делалось под большим секретом, и Ленька очень гордился тем, что его в это посвятили. Это была тайна. За нее могли посадить в тюрьму или расстрелять. Скит находился в такой глуши, что милиция сюда не наведывалась, а лесник и егерь, будучи сами глубоко верующими людьми, старались во всем помочь. Ленька сперва только мыл кисти и убирался в мастерской, а потом стал учиться рисовать иконы. Зиновий ему объяснял азы, учил иконографии. Паренек хорошо рисовал карандашом, и нарисовал портреты обоих монахов, причем сходство получилось почти полное, и скит нарисовал, и сосны, и озеро. Отец Спиридон, увидев эти рисунки, благословил его учиться иконописи. Так прошло два месяца. Однажды они работали и беседовали.

— Видишь, буквы греческие возле Лица — вверху и по бокам. Ёмикрон, ёмега и ню. Переводится как Сущий. Значит существующий всегда. Так пишут только на иконах Спасителя, — объяснял Зиновий.

— А почему у Богородицы на всех иконах звездочки?

— У Девы Марии рисуют звезды на одежде, над лбом и на плечах, это означает, что Она Приснодева. И буквы греческие тоже — видишь? Их четыре. Запомни их. Они означают Матерь Божия.

— Я бы очень хотел стать иконописцем.

— Для этого мало научиться иконописи. Нужно благословение от духовника иметь. Да много чего. Духовную брань выдержать. Испытание Господь обязательно пошлет.

— Испытание? Какое?

— Ну это только Он знает. У каждого свое. Пройдешь испытание — может и станешь иконы писать. А не пройдешь...

— А почему отец Спиридон все время молчит? Очень редко скажет что-нибудь.

— Без дела он не говорит, потому что он молитвенник.

— Помолился бы он за моих родителей, чтобы пить перестали.

— Да он молится. Ты и сам молись за них и увидишь, как Бог спасает.

— Я молюсь. Они вообще то у меня хорошие, добрые, веселые. Раньше они не пили, когда я маленький был. А потом начали пить. И все стало плохо. Все. Отец стал драться, а последний раз маму ножом ударил. Не опасно, но его за это все равно посадили. А маму лечат от пьянства.

Принудительно. А меня вот в детдом забрали.

Вошел старец. Постоял, отдышался немного, трудно ему уже ходить, а видно, что спешил.

— Помощь ваша нужна. Душа одна погибает, спасти надо. Возьмите лодку, плывите к медвежьему камню, там лежит человек. Весь избитый, без сознания. Везите его сюда. Мешковину возьмите, на чем тащить до лодки.

У Юрчика было две мечты. Одна — это мотоцикл. Но это было несбыточно. Вторая – уйти из группировки. Не нравилось ему все это, вся их деятельность. Да он и знал еще, что все это закончится тюрьмой. Вообще он был очень замкнутым человеком, одиночкой. Может поэтому ему не доверяли. Но в этот раз Сазан решил взять его в дело. Поскольку городок у

них небольшой, и все на виду, то у себя они сидели тихо, а вылазки делали в другие населенные пункты. Этакие гастролеры. Если ехали в областной центр, то осторожничали и ехали поврозь, в разных вагонах, встречались в условном месте, а после операции также разбегались в разные стороны и добирались до дома по одному. На этот раз они собрались угнать мотоциклы, сразу несколько. Готовился областной мотокросс, и мотогонщики собирались на соревнование. Сазан заказал кому надо несколько табличек с номерами, чтобы сделать при необходимости быструю замену после угона. Разъезжаться должны были в разные стороны, потом пригнать мотоциклы в условленный гараж и разобрать на запчасти, или продать подешевле. Покупатели уже ждали. Вот тут Юрчик и решил оторваться от группировки, и совсем покинуть город, который казался не очень-то дружелюбным для него. Он запасся топливом и поменял назначенный ему маршрут. Как и почему его вычислили, для него навсегда осталось загадкой. Может и присматривали за ним, потому что он первый раз был в деле. Только его догнали. И очень досадно вышло. Ему пришлось остановиться, потому что закончился бензин. А он угнал далеко в лес, надеясь отсидеться до времени. Даже запас провизии взял. Били долго и бросили там же в лесу, уверенные, что он не выживет. Когда Зиновий с Ленкой нашли его, он лежал вниз лицом,

пышные светлые волосы слиплись на затылке от крови, он был без сознания. На самом деле он вообще не походил на живого человека, и Ленька содрогнулся от ужаса. Но пульс у него оказывается прослушивался, и тут у мальчишки началась внутренняя борьба. С одной стороны, жалость, с другой стороны страх.

— Это Юрчик. Ну тот самый, из-за которого я убежал.

— М-м. Похоже, это и есть твое испытание.

— Вот это?

— Ну да. Не ожидал? Давай помоги мне.

Он достал мешковину, расстелил на траве около раненного.

— Помоги мне. Потом будешь думать, как правильно поступить. А сейчас помоги.

Они перекатали его на ткань, и тихонько поволокли по земле к воде. Все лицо у него было обезображенное, опухшее до неузнаваемости в синяках и в крови. Самое трудное было переложить раненного в лодку. В доме его устроили на лавку, соорудив тюфяк и подушку из сена. Старец уже ждал их, приготовив отвары для питья и для ран. Зиновий промыл его раны, сделал повязку. К счастью кости черепа были похоже целы. Ложкой разомкнули ему губы и влили немного отвара. Через час он пришел в себя и открыл глаза. Говорить он не мог, только водил глазами вокруг. Зиновий и старец к этому времени

вышли, а Ленька читал вслух акафист Пантелеимону исцелителю.

— М-м-м.

— Очнулся? Пить хочешь? — дал ему питье, — Ну как, получше?

— А где это мы? — он говорил еле слышно, почти шепотом.

— В скиту́ у монахов. А я тут живу. Уже второй месяц, — он снова дал ему немного отвара.

— А мотоцикл где?

— Не знаю. Следы там б́ыли — от нескольких мотоциклов, а мотоцикла не было.

— Значит забрали, — Юрчик говорил медленно, тихо и с остановками, — Как же они гнались за мной... Думал в лесу без дороги отстанут...

Километров сорок по лесу проехал, пока бензин не кончился... Догнали... Башка гудит.

— Это у тебя от побоев. У тебя вон вся голова разбита.

— Ногами били.

— Отец Спиридон сказал, что все пройдет. Он прозорливый. За несколько километров увидел тебя в лесу, когда ты лежал без сознания, и послал за тобой. Он за веру в тюрьме сидел, изувечили его там. Зато Бог ему многое открывает. Вот травы попей. Это он заварил для тебя. Пей-пей.

Поправляйся.

- Ты это..., ты на меня не сердись.
- А я и не сержусь. Я очень рад, что в скит попал. Правда. А то бы я так ничего и не знал.
- Чего не знал бы?
- Ну про Бога, что Он помогает.
- Ты думаешь помогает?
- Я уже не думаю, я знаю. А батюшка не велел тебя больше Юрчиком звать, потому что это кличка. А имя у тебя Георгий. Есть такой святой
- Георгий Победоносец.
- Георгий. Хм! Странно как-то. Ладно, я посплю немного. А то башка чугунная.
- Спи, спи. А я акафист читаю Пантелеимону исцелителю о твоём здравии.
- Чудной какой парень, - он некоторое время слушал чтение, а потом заснул.

Прошел еще месяц. Заканчивался август. Георгий поправился, и в благодарность за спасение старался быть всем полезным. Впервые в жизни он окунулся в любовь. Это было совершенно новое для него переживание. Ни страха, ни чувства ненужности. Оказалось, у него была недюжинная сила. Он в легкую пилил дрова, колол, таскал. Ему словно доставляло удовольствие испытывать свои мышцы, причем с пользой для дела. Да еще когда Ленька смотрел

восхищенными глазами, как он ворочает тяжелое бревно, или несет как детские игрушки почти на бегу в горку полные ведра воды. Ему нравились и церковные службы. Он стоял, не шелохнувшись, слушая и думая о чем-то. Он мало говорил, но всегда был готов выполнить любую работу. А Ленька все больше думал о том, что пора возвращаться в детдом. Скоро начало учебного года. Страшная опасность счастливо миновала и можно вернуться. Однажды ему приснился удивительный сон. Он ходил целый день и никому не говорил, но наконец решился.

— Знаете, в ночь на Успение я видел странный сон. Как будто я стою на высокой горе, и со мною все ребята из детского дома, и все воспитатели. Но я почему-то стою впереди. И мы как будто ждем чего-то. А вокруг огонь и тьма. И вдруг вижу, как напротив горы в отдалении прямо в воздухе явилась Божия Матерь Мария, а впереди Нее тоже в воздухе Младенец Христос, и Он благословлял всех нас. А руки Ее раскрыты, как будто Она открывает нам Своего Младенца Иисуса... что это значит?

Отец Спиридон сидел на скамеечке под раскидистой сосной, в руках четки. Он подумал немного, потом сказал:

— Спасет Господь всех вас в детском доме, а Она поможет вам, - Он словно говорил это про себя, как бы в раздумье.

— Аминь, - это Зиновий, он нес ведро с картошкой, но услышав, остановился, поставил ведро на землю и перекрестился и тоже задумался над чем-то.

— ... Этот сон все время стоит у меня перед глазами. Все хожу и думаю о нем... боюсь его забыть. Мне хочется его нарисовать. Но я не знаю можно ли это?

— Можно. Но только Ее и Младенца, остальное не надо, - старец снова раздумывал над чем-то, словно прислушиваясь.

— А вы благословите меня, батюшка?

— Подойди, - тот подошел к нему, положил поклон, и старец благословил его, помолился, и поцеловал в голову.

— Спасибо, батюшка...

— Но не сейчас будешь писать и не здесь.

— А где?

— В детском доме. Уезжать тебе нужно. Возьми с собой святой воды, освятишь потом, когда нарисуешь, когда будет готово. И учиться тебе надо.

— А как же я поеду? На чем? – Ленька спросил тихо, было немножко грустно, но это действительно необходимо, он понимал.

— Я довезу тебя до узкоколейки, - ответил Зиновий, видимо ему тоже было грустно, но и он понимал, что так надо, так будет правильно, - На лодке часа за три доберемся. Завтра как раз паровозик пойдет. Доедем на нем до железнодорожной станции, а дальше пассажирским поездом. Денег на дорогу найдем.

В это время подошел Георгий, немного перепачканный землей, с лопатой в руке. Он тоже работал на картофельном поле, убирал урожай.

— Батюшка, картошку докопали. Еще два мешка получилось, крупная картошка, хорошая.

— Спаси тебя Господи, отдохни теперь..., - старец улыбнулся мягкой улыбкой.

— Вот что, Георгий, я завтра поеду Леонида провожать... Сам-то ты не собираешься уходить? – Зиновий спросил неуверенно, не зная, как лучше сказать, - а то может с нами поедешь?

— ... Я не собирался... А что, нужно уходить? – спросил он каким-то упавшим голосом.

— Да нет, но вдруг тебе скучно у нас. Ты уж вполне оправился. Смотри сам.

Спиридон все это время молчал, перебирая четки. Георгий вдруг осунулся как-то, застыл. Потом спросил неуверенно.

— А можно я останусь?.. Я хочу с вами... как вы...

— ... Монахом стать? – Зиновий удивился.

— Если можно... я не смогу больше жить так, как раньше. Опротивела мне та жизнь..., - он опустил голову.

— Оставайся, - старец серьезно по-доброму посмотрел ему в глаза, - монашеская стезя – это твоя. Но монахом потом, а пока будешь на испытании, послушником, так положено.

— Буду, отче, только не прогоняйте, - он поспешно положил поклон.

— А в миру ты погибнешь. Да и нёкуда тебе идти, - старик печально вздохнул.

— Нёкуда, батюшка.

Дорога была немного грустной. Вначале они выработали версию, что отвечать, если будут спрашивать где провел лето. Решили, что он гостил на каникулах у крестного. Почему не отпросился? Боялся, что не отпустят. Виноват, больше так не буду. Если спросят где, сказать, что в соседней области, а точный адрес не спрашивал, не знаю. Спросят, что делал, сказать, что рыбу ловили, по ягоды по грибы ходили и т.д. в том же духе, как оно и было в реальности. На

самом деле Ленька давно уже рассказал своему крестному и отцу Спиридону как именно он попал в этот лес. Они поверили ему. Оказывается, Сема, он же Шамуэль, действительно был знаком с Зиновием. Это тоже целая история. Если спросят, как добирался, сказать, что был не один, а с провожатым, знакомым крестного, с которым встретился случайно на вокзале, и который знал дорогу и помог ему. Не говорить кто провожатый и сколько ему лет, а что они потом расстались и где он теперь он не знает. В общем версия какая-то получилась. Потом они молчали. Когда проплывали мимо медвежьего камня, Ленька спросил, почему камень так называется. Прошлый раз ему было не до наблюдений и не до вопросов.

— Немного подожди и сам увидишь, - улыбнувшись ответил Зиновий, а когда они проехали достаточно вперед, он поднял весла и сказал, - теперь оглянись назад, - он дал ему время хорошенько разглядеть камень, удерживая лодку на месте.

— Ух ты, правда медведь, - мальчик удивился, камень, покрытый мхом, походил на морду зеленого медведя, который выглядывал из леса. Даже загривок зеленый образовывался из высоких елей.

По узкоколейке они ехали часа три. Это были неширокие вагоны, два ряда скамеек по два сиденья на скамейке, а не по три, как в обычных электричках. Поезд ходил два раза в неделю, рельсовый путь был один, в конце паровозик разворачивался по кольцу и снова выезжал на тот же путь. Все было интересно. На железнодорожной станции, куда они приехали, Зиновий купил ему билет, купил бутерброды с колбасой и с сыром, лимонаду, и дождавшись поезда посадил его в вагон, договорившись с проводницей, чтоб она присмотрела за ним. Они обнялись, Ленке хотелось поплакать, но он сдержался. Все-таки это был его единственный теперь родной человек — крестный, это даже больше, чем родной. Утром он был уже на месте. Придуманная версия сработала, все непредвиденные вопросы он просто игнорировал, опустив голову и сопя носом. В конце концов от него отстали и послали на занятия в свой класс. На перемене к нему подбежал Алешка.

— Ленка! Привет. Ты вернулся! Вот здорово! Больше не убежишь?

— Привет. Не побегу. Мне учиться надо. Каникулы то кончились.

— Ага. А я твой альбом сохранил. Я тебя никому не выдал.

— Ты настоящий друг, Алешка.

— А то! А ты где был?

— У добрых людей. А у тебя какие дела?

— Да все нормально. Видишь, подрост немного. Мышцы смотри..., - он согнул руку в локте, показывая бицепс.

— Ого! Правда подрост. Молодец... Слушай, Алешка, мне твоя помощь нужна..., — он заговорщически заглянул ему в глаза, - знаешь, мне один сон приснился. Такой необычный. Я его не могу рассказать, мне его нарисовать надо. Поможешь?

— Помогу конечно. Только рисовать то я так не умею, — он незадачливо почесал голову.

— Да нет, — Ленька улыбнулся, — ты только покарауль. Я в дровянике спрячусь и буду там рисовать, а ты недалеко погуляй и, если кто пойдет, ты мне свистни. Чтобы я все спрятать успел.

— Ага, понял. А ты долго рисовать будешь?

— Вообще-то долго, но не за один день.

Выдержишь?

— Выдержу.

— Но только это тайна. Ты никому не скажешь?

— Ты же знаешь, Ленька, что я не болтун.

— Ну все, тогда завтра после обеда начнем, пока все гуляют.

Ленька решил делать все основательно. У него было немного денег, крестный нарочно дал ему для этого. Он сбегал в канцтовары, купил новый хороший набор толстой бумаги специально для акварели, новые акварельные краски и новые карандаши. Все это он с молитвой спрятал в дровянике в корзинке за старой сломанной дверью, прислоненной к стене, загораживая все это снаружи деревянным ящиком. Приготовил вместо мольберта кусок фанеры, приладил его на стене. Он вспоминал все уроки иконописи, которые давал ему Зиновий, и каждый раз молился. Рисовал он больше двух недель урывками во время прогулок. Видно и старец и крестный молились за него. Никто его ни разу не потревожил. Наконец он понял, что все, икона готова. Он написал где полагалось греческие буквы и сделал то, что наказал ему батюшка, окропил ее святой водой с молитвой. Осветил. И дал ей просохнуть. А потом позвал Алешку.

— Покажешь, Лень? Уже можно, да?

— На, смотри, - он отошел в сторону пропуская друга.

— Мама!! Моя мама!.. Это... твой сон?! — мальчик не мог оторвать взгляда от иконы.

— Да, это мой сон.

— Ты видел во сне мою маму?!

— Это Богородица Дева со Младенцем.

— Она похожа на мою маму. Лень, а можно мне Ее поцеловать?

— Можно. Иконы всегда целуют, только внизу, в уголочке. В лицо, то есть в лик нельзя целовать.

— Я помню маму. У нее очень доброе и красивое лицо. Ты очень похоже нарисовал, — он осторожно поцеловал икону.

— Это Дева Мария.

— А как зовут Ее Младенца?

— Иисус. Он Сын Божий.

— Он очень красивый и похож на Нее. А зачем ты брызгал водой? Я видел, ты брызгал и что-то говорил.

— Освящал. Теперь Ей можно молиться.

— Как это молиться?

— Говорить с Ней. Здесь нарисован Ее образ, а Сама Она там, — он показал глазами на небо. Можно попросить Ее о чем-нибудь, и Она поможет.

— С Ней можно разговаривать? Я научусь говорить с Ней. Я Ее люблю, — он не отрываясь смотрел на лик.

— И Она любит тебя.

— Да, она меня любит. Видишь, как Она на меня смотрит?.. Ленька..., подари Ее мне. Что хочешь у меня возьми. Только подари, - он умоляюще смотрел на друга.

— Ничего я у тебя не возьму. Бери так.

— И тебе не жалко?! — ему не верилось, что все это на самом деле.

— Для тебя не жалко.

— Спасибо. Знаешь, Ленька, вот теперь у меня счастье.

— И у меня тоже. Только нужно спрятать Ее, а то отберут.

— А где спрячем?

— Положим там же, где лежала. Здесь никто не найдет. Мы ее в папку вложим с листами. Я и альбом свой сюда же положил. Здесь не помнется и никто не найдет.

— Давай, я сам положу.

Они спрятали икону, замаскировали корзинку и довольные, и радостные пошли в корпус. Прошло несколько дней. Они прибегали в сарай, посмотреть икону, Ленька молился серьезно и сосредоточенно, Алешка тоже учился молиться, даже выучил Богородице Дево. Но он молился совершенно

необычно. Он именно разговаривал, ласково и нежно. Даже малопонятные слова молитвы он произносил так, словно говорил с живым человеком. Они не знали, что на днях должны привезти дрова.

Тетя Аня ковыляла к сараю, две девчонки скучали на площадке, скакалка надоела, и не знали, чем заняться.

— Тетя Аня, а вы куда идете?

— Да в дровяник, милые мои. Дрова завтра привезут, уж пора. А там у нас немного завалено, нужно бы разобраться.

— А давайте мы вам поможем.

— Помогите, дорогие мои. Я-то уже у вас старенькая.

Дети любили нянечку. Она никогда не ругала их, как воспитатели. Не воспитывала, могла подойти молча и вытереть малышу сопли, поднять упавшего шалуна и отряхнуть, или взять в раздевалке чье-то пальтишко и пришить оторванную пуговицу. Когда кто-то плакал, она подходила и гладила по голове, прижимала к себе ласково и что-то бормотала успокоительное. Она не читала им нотации, не делала замечаний и вообще походила на бабушку, которая

любит и немного балует внуков. Она была им преданна. Иногда они даже секретничали с ней, высказывали свои ребячьи горести, и она находила какие-то слова утешения и надежды. Они ей доверяли. Никто не видел, чтобы она смеялась, или болтала с другими сотрудниками. Вообще она была немногословна. Взрослые ее немного сторонились, она казалась им старомодной и необщительной. И вот сейчас дети пошли с нею к дровянику, рассказывая на ходу новости. Девочки первые заглянули внутрь.

— А где будут дрова складывать?

— У задней стены вначале, потом здесь поближе.

Нужно все лишнее вынести. Вот эти ведра, девочки, унесите в сарай, - она показала им на ведра, стоящие в углу одно в другом.

— А лейку куда, тетя Аня?

— Лейку туда же. А веники, девочки нужно в кладовку убрать в корпусе за дверью. Метелку можно в подсобку, где лопаты стоят. Ящик можно тоже в сарай, еще пригодится. Вот эти корзинки в чулан.

— Тут еще одна лежит за сломанной дверью. А в ней альбом какой-то и папка, - Ира достала заветную корзинку.

— Ну, что не нужно выбросить. А корзинку туда же в чулан — она тоже пригодится.

— Но это не старый альбом, смотрите, что это? — Иринка разглядывала содержимое.

— Правда. Какие-то рисунки, портреты, кто же это рисовал? — Наташа с любопытством заглянула в альбом.

— Ничего себе! — подружка искренне удивилась.

— Ой, смотри, Иришка, это же я сама! Правда на меня похоже? Здорово. А тут вот Алешка Тарасов, прямо копия. А вот здесь еще один цветной рисунок в папке. Кто же это? Мама с ребенком.

Так красиво нарисовано, — девочки рассматривали икону.

— Постойте, я посмотрю. Пресвятая Дева! — Анна перекрестилась, — Это же Богородица. Откуда Она здесь? Это же икона. Икона Знамение. Кто-то нарисовал. Да какая красивая! Господи, помилуй!

— она снова перекрестилась машинально.

— У меня бабушка так крестилась, — Наташа внимательно наблюдала за нянечкой, — И меня учила, когда я совсем маленькой была. А учительница сказала, что Бога нет.

— А она может и не знает. А ты молчи. Как это Бога нет? А Кто же все это создал? — она повела рукой вокруг.

— Меня бабушка учила молитве "Отче наш". Я ее еще помню, — Наташа серьезно смотрела на икону. Нотка печали слышалась в голосе, она помнила свою бабушку, добрую, заботливую.

— Вот и молодец. И молись потихоньку, да никому не говори. А Господь тебе и поможет.

— А меня бабушка учила "Богородице Дево, радуйся". Я тоже ее помню, — Ирочка тоже немного загрустила, подумав о своих родных, которых больше нет.

— Вот и молитесь потихонечку. Никто и знать не будет. А Она защитит и поможет. А какое сегодня число-то, знаете?

— Двадцать первое сентября.

— Вот. День-то особенный. Сегодня Рождество Пресвятой Богородицы, вот Она и явилась нам! — она перешла на шепот, — А ну-ка идите-ка сюда, да поцелуйте Ее. Да запомните самую короткую молитву: "Пресвятая Богородице, спаси нас".

Девочки подошли к иконе, перекрестились неловко и поцеловали образ. Эта икона как-то связывала их с ушедшими родными людьми. Она стала вдруг близкой им.

Тут подошли Ленька с Алешей. Они гоняли футбол за корпусом, Ленька побежал за мечом и увидел движение около дровяника. Они с другом моментально прибежали, и не знали, что теперь делать, и что сказать.

— Это моя мама, - Алешка первый насмелился подойти.

— Она нам всем — Мама, — тетя Аня немного удивилась словам мальчика.

— Она на мою маму похожа, — он взял осторожно икону в руки, прижал к груди, — это мое. Это я здесь спрятал, а вы нашли.

— Откуда Она у тебя? Кто это рисовал? — Наташа изумленно смотрела на друзей.

— Это я рисовал, — Ленька неуверенно подошел поближе.

— Ты?! — девочки воскликнули с удивлением. Такого поворота никто не ожидал.

— Что правда, что ли? Ты сам? А ты не врешь? — Иринка высказала откровенное сомнение.

— Это он рисовал. Я знаю, — Алеша вступился за товарища.

— Так. Что здесь происходит? Линейка через десять минут, быстро в корпус. Чье это? —

незаметно и неожиданно для всех подошла Галина Макаровна.

— Это мое.

— Это мое, — оба друга сказали почти одновременно.

— Пошли за мной, сейчас разберемся, — воспитательница бесцеремонно взяла под мышку альбом, папку, икону и пошла в корпус.

Ребята здорово расстроились. На другой день Леньку вызвали к директору. Нина Петровна долго беседовала с ним, спрашивала почему он прятал рисунки, не учился ли он прежде еще до детдома в художественной школе. Про икону спросила, с чего он срисовывал, где он это видел раньше, почему решил нарисовать. Ленька честно ответил, что это ему приснилось во сне. Даже сказал какого числа видел сон — двадцать восьмого августа. Он нарисовал на бумаге свой сон. И это было правдой, и говорил он очень правдиво, с совершенно честными глазами. Нина Петровна ему верила. Она любила и понимала детей, и будучи одинокой, посвятила свою жизнь детскому дому. Сочувствуя горю детей, их сиротству, жалея их, она всю теплоту своей души посвящала им. И дети ее любили, они чувствовали ее искренность и справедливость. А на следующий день состоялось

очередное заседание педсовета. В самом конце директор объявила:

— Товарищи, на повестке дня еще один вопрос: у нас объявился художник — Леня Соколов. И мы должны решить, как поступить: стоит ли подать его документы в художественную школу или нет. Вот посмотрите. Полагаюсь на ваше мнение. Рисунки, портреты, — она передала присутствующим альбом.

— Да это же Ольга Николаевна! — педагоги удивленно смотрели на рисунок.

— Это он меня так нарисовал? Слушайте, ну похоже, — Ольга Николаевна медсестра искренне удивилась, увидев свой портрет.

— А вот Кузнецова. Ну вылитая Наташа. А еще Тарасов Алеша! Сразу можно узнать, — Татьяна Ивановна воспитатель не верила своим глазам. Это Соколов, мальчик из ее группы, кто бы мог подумать, что у него талант, а это явно талант. Да, он всегда неплохо рисовал машинки, самолетики, но, чтобы портреты...

— Художничек! — язвительно добавила Галина Макаровна, она кипела каким-то непонятным негодованием.

— Но ведь действительно похоже нарисовано, Галина Макаровна. Чем вам не нравится? — учитель биологии недоуменно смотрела на воспитательницу.

— Вы дальше смотрите..., — та с ехидством кивнула головой.

— Ой, Татьяна Ивановна, да это же вы! Сходство поразительное! — учителя продолжали листать альбом.

— Нина Петровна, вы его новые художества покажите, — это снова Галина Макаровна. Ей не терпелось что-то доказать.

— Товарищи, Галина Макаровна поднимает вопрос о допустимости пребывания в стенах нашего детского дома, вот этого произведения, — Нина Петровна показала икону. Мне трудно его как-то назвать. Я выношу это на рассмотрение педагогического совета.

— А Кто это? Похоже на икону, — это учитель математики, после непродолжительной паузы высказала свое предположение.

— Вот именно. Здесь дали правильное определение. Это — икона. Я как член коммунистической партии категорически заявляю,

что это нельзя оставлять в детском доме, — торжествующе заявила Галина.

— А где он мог научиться рисовать иконы? — учитель физики недоуменно смотрела на рисунок.

— А где он вообще пропадал эти три месяца?

Лучше бы он курил и дрался, и был бы на виду, и мы бы знали, как его воспитывать. А теперь я должна буду доложить партийному бюро, о том, что в детском доме процветает религиозный дурман, — Галина Макаровна решительно взмахнула рукой.

— Галина Макаровна, вот как раз вам, как человеку партийному, я и поручаю провести с детьми занятие по атеистическому воспитанию.

Сколько времени вам нужно на подготовку?

Недели хватит? Значит через неделю. Соберете всех в актовом зале и проводите, — директор устало села на свое место.

— Послушайте-ка. Ко мне приходит сегодня Тарасов Алеша и говорит, что у него болит голова. Просит таблетку. Глаза красные. Спросила его не плакал ли он. Так он разрыдался, я его успокоить не могла. Стала спрашивать, еле допросилась. Говорит, что у него отняли мамин портрет. Какой портрет? Я ничего понять не могла, — медсестра озадаченно покачала головой.

— В том то и дело, Ольга Николаевна, что этот портрет похож на его маму, — Нина Петровна машинально перебирала документы на столе. На самом деле она была в растерянности. Эта Галина дело так не оставит. Но в душе директор была на стороне детей.

— Подождите, товарищи. Как мог Соколов написать портрет Алешиной мамы, если он никогда в жизни ее не видел? Соколов у нас совсем недавно, а Тарасов вообще иногородний и родители у него погибли при аварии два года назад? — воспитатель старшей группы решила внести ясность.

— Вот именно! Это все детские фантазии. Настыдить, отругать, дать успокоительное и через неделю все забудет, — Галина решительно отстаивала свою позицию.

— Ну да, а потом сбежит, — это добавила учитель начальных классов.

— Нина Петровна, а есть в личном деле у Тарасова фотография его родителей? — учительница по физике подумала, что ответ будет сразу ясен, если сравнить фото и рисунок.

— Фотография есть. Вот она, — директор уже проверяла, сопоставляла, и именно поэтому боялась сделать ошибку.

— Действительно похожа. Это она. Одно лицо. Как это могло получиться? Может быть он лазил в архив? — учительница математики задумчиво разглядывала лицо на документе и икону.

— Да нет, это исключено. Я спрашивала его, он сказал, что видел этот образ во сне.

— Ну прямо мистика какая-то! — Галина снова отреагировала с сарказмом.

— Вы знаете, может быть не писать в протоколе, что это икона. Ну портрет и все. Это всего лишь акварель, к тому же это действительно портрет, — воспитателю старшей группы пришла на ум удачная мысль.

— Да, можно ведь и не писать, — Татьяна Ивановна с готовностью согласилась. Она была на стороне директора.

— Акварельный образ? — Нина Петровна задумчиво посмотрела на нее, — А давайте спросим Тарасова, как он сам трактует эту картину? Это же ему подарили. Что он скажет? И тогда мы решим, отражать в протоколе слово икона или нет. Вы согласны? — все закивали головами кроме Галины, — Ольга Николаевна, сходите за Алешей.

Медсестра вышла, все молчали, каждый думал о своем, но напряжение как-то висело в воздухе. Фотография и икона переходили из одних рук в другие. Женщины сравнивали, сопоставляли, смотрели на фотографию, на икону, а икона смотрела на них. Глаза Богородицы были материнскими, добрыми, спокойными и немного печальными, с какой-то даже едва уловимой укоризной. Они смотрели прямо в глаза того, кто держал икону. Невозможно было отвести взор. А Младенец Христос благословлял. Ох сколько воспоминаний нахлынуло на всех за этим столом. Кто-то вспомнил детство и причастие в храме, а кому-то привиделась мать, клавшая поклоны перед образом Пречистой дома, на коленях. Кто-то вспомнил, как забирали отца, увозили навсегда из дома, как он в последний момент благословлял детей. Самая старшая из всех женщин едва не перекрестилась машинально, но удержалась испуганно, виновато глядя на лик. Каждая из них понимала, что держит в руках чудо. Как мог ребенок написать образ Богоматери, да еще скопировать не виданный им ранее облик женщины, передать такое сходство в чертах, и такое непостижимое выражение глаз Богородицы. Одно то, что он увидел этот образ во сне, само по себе было чудом.

Наконец Ольга вернулась с мальчиком. Все повернулись к двери, в ожидании.

— Алеша, скажи нам, Кто это? — Нина Петровна по-доброму посмотрела на ребенка.

— Мама, - губы у него кривились, видно было, что он сейчас заплачет.

— Чья Мама? — директор хотела уточнить для присутствующих.

— Моя... — он опустил голову и шепотом, чуть слышно, добавил, — наша.

— Так. Возьми, Алеша. Иди, — она спокойно и решительно отдала мальчику икону, — тему по поводу этой акварели считаю закрытой, по высказанному ранее мнению большинства, и по имеющимся документам. Думаю, что в протоколе это можно вообще не отражать, поскольку это прения по вопросу, не входящему в повестку дня. А что будем решать по поводу художественной школы?

— Конечно, нужно хлопотать. Пусть учится, — Татьяна была рада, что все обошлось так удачно.

— Я тоже так считаю, — учитель химии вполне разделяла мнение директора.

— Подать документы.

— Мальчик должен учиться.

— Ну что ж, большинством голосов. Буду подавать документы. Вопросы есть? Нет? Все свободны.

— Ну я этого так не оставлю. Тоже мне — акварельный образ! — Галина поджала губы, и вышла первая, хлопнув дверью.

В детдоме наступило затишье. Алеша очень радовался тому, что ему вернули его сокровище. Он вложил икону между листами в папку для акварели, чтобы не испачкалась, или не смялась, и положил в свою тумбочку около кровати. Он даже был рад, что теперь не нужно прятать ее в дровянике, а что можно хранить у себя на законных основаниях.

Совет ангелов был тревожным, в воздухе висела угроза. Колокольная словно гудела от ветра. Где-то внизу обсыпалась штукатурка, обвалился кусок кладки. Ангелы молчали. Савва смотрел на запад, стоя на самом краю, его платице билось на ветру, меч зажат в руке. Керен ходил взад и вперед по стене, опустив голову. Давар стоял на верхних перилах, оставшихся от сломанной лестницы внутри башни, прислушиваясь к чему-то внизу. Шамуэль машинально играл мечом направляя отраженные от него лучи солнца на окна

бывшей трапезной, и о чем-то сосредоточенно думал. Ангелы готовились к битве. К битве с духами лжи. Это страшные, опасные духи, им ничего не стоило сломать нежные ростки веры. Это сильные духи, древние, коварные, искусные в убийстве, искусные в войне. Время пошло на счет. Пошел счет дням и часам до сражения.

— Икона осталась в детском доме. Это победа, — Савва говорил утвердительно, — Все, кто видел ее сегодня на педсовете, задумались о вере. Они ушли оттуда совсем другими, нежели, когда пришли...

— Значит у нас есть союзники, — Керен перестал ходить и посмотрел на Савву.

— Но этого недостаточно, — Давар поднялся на стену, — они все младенцы в вере, почти как дети, нужна еще помощь.

— Нянечка пока ничего не знает про атеистическое занятие, — Шамуэль перестал играть с мечом и присоединился к остальным, — Галина повесит сегодня объявление, и Анна начнет об этом молиться.

— А икона получилась хорошая, — Савва взглянул на него, — у всех иконописцев, кому ты

помогал, лики выходили необыкновенными, особенно глаза.

— Я старался.

— Но нужны еще молитвенники. Слишком жестокая битва. И нужно еще хотя бы два свидетеля.

— Два свидетеля? — Шамуэль удивился.

— Да, два исповедника Истины, и мы победим, — Керен понял, о чем речь.

— Будут свидетели, — Савва поднялся над колокольной, — Давар, полетишь в скит, выступишь Спиридона, скажешь, что нужна сугубая молитва всех их троих.

— Да, конечно, полечу прямо сейчас, — Давар перехватил меч, расправил крылья, и повернув на восток, поднялся в небо.

— А я созову ангельский собор. Всех Ангелов хранителей, а вы оберегайте детей, — Савва устремился ввысь и исчез из виду.

Было уже поздно. Старец окончил молитвы, загасил свечу, повернулся к окну и замер. На стуле сидел мальчик. Ему было лет семь. Ребенок сидел, опустив голову и глядя вниз, ноги его не доставали до пола, руками он опирался на края стула. Видно он давно уже сидел в келье и ждал, когда окончится

молитва. Откуда он здесь? В этом лесу, в скиту? Он узнал его сразу. Лицо было знакомым. Он видел его раньше, давно. Тогда давно он думал, что это сон. Это когда его бросили на холодный каменный пол в камеру одиночку после очередного допроса. Углы камеры были покрыты инеем. Сил, чтобы подняться и лечь на нары не было. Боль не давала пошевелиться. Он замерзал в каком-то предсмертном оцепенении, закрыв глаза. Вот тогда кто-то положил ему на лоб ладонь, возможно это уже снилось ему, но боль стала уходить. У него очевидно было сотрясение мозга, потому что его подташнивало. Но вот и тошнота отступила. Губы, разбитые в кровь, распухли. К ним приложили что-то влажное и теплое. И стало легче. Потом дали попить. Питье было горячее, согревающее, и совершенно ни на что не похожее, оно словно разливалось по телу, согревая его и успокаивая боль. Он пил, и ему становилось все лучше. Он открыл глаза, и увидел вот этого мальчика. Тот с состраданием смотрел на него. Потом положил руку ему на грудь, туда, где болело и ныло ребро, сломанное еще на прошлом допросе. Он чувствовал, что там что-то происходит внутри и стало легко, не давило больше и не ныло. Он снова закрыл глаза и уснул. Утром он проснулся совершенно здоровым. Странно, но инея на стенах не было, а он лежал на нарах. Так он и решил, что все ему приснилось. И вот теперь.

— Это снова ты?

— Да, - мальчик кивнул.

— Значит тогда, в камере это был не сон?

Ребенок покачал головой.

— Спасибо. Ты спас меня тогда. У тебя есть имя?
Как тебя звать?

— Давар.

— Давар. Твое имя имеет смысл. Это слово или дело. Наверное, ты не просто так появился. Ты принес какое-нибудь известие? Что-то случилось?

— В детском доме беда. Готовится погубление детских душ. Меня послали сообщить, что нужна сугубая молитва всех вас троих. Осталось семь дней. Через неделю будет атеистическое занятие с детьми. Нужно их уберечь. Нужно спасти.

— Господи помилуй! — старец даже застонал, —
Да что же им неймется. Конечно же, будем молиться, и пост наложим. Только хорошо бы поименно, знать бы имена.

— Вот здесь и дети, и взрослые, — у мальчика оказался свиток со списком имен, он подал его.

Старец наклонился над бумагой. На ней красивым почерком были выведены имена. Много имен. Он поднял глаза, в келье больше никого нет. Он

остался один. Можно бы все это снова посчитать сном, если бы не этот список.

Татьяна Ивановна и Ольга Николаевна были подружками. На самом деле они были самими молодыми из всего коллектива, и это их объединяло. Они были веселыми и беззаботными. Еще не замужем, не уставшие от жизни, не обремененными семейными заботами. Им была свойственна, как и всем молодым задорность и даже озорство. С детьми они обращались больше как старшие сестры, чем как педагоги. Нину Петровну они поддерживали всей душой, она вообще всем нравилась. А Галину Макаровну в детдоме недолюбливали за характер не только взрослые, но и дети. На другой день после пресловутого атеистического урока подруги встретились обсудить событие.

— Слушай, Оль, спрашиваю вчера ребят в своей группе, как у них прошло занятие по атеизму. Рассказываю. Галина Макаровна сказала, что человек произошел от обезьяны. Соколов Леня руку поднимает, она его спрашивает: "Что тебе Соколов?", а он говорит: "Галина Макаровна, значит вы тоже от обезьяны произошли?". Она

говорит: "Да", — девушки засмеялись, — а он отвечает: "А я от людей произошел. От Адама и Евы, которых Бог сотворил". Сказал и сел на место. А она вся покраснела, представляешь. Ребята кто хихикает, кто шепчется.

— Ой, Ленька! Во дает!

— Слушай дальше. В это время Алеша Тарасов руку поднял, она говорит: "Что еще, Тарасов?". А он отвечает: "Галина Макаровна, а я не верю, что моя мама от обезьяны произошла. Получается, что я тоже от людей произошел, как Ленька."

— Это еще что!.. А я сегодня шла в столовую, мальчишки из восьмого класса в коридоре стоят, треплются. Вдруг слышу: "Эй, парни, гляньте, вон обезьяна идет", и загоготали. А кто-то сказал: "Ага, Горилла Макаковна", и ржут, я оглянулась, а в конце коридора позади меня Галина Макаровна идет, они смотрят на нее и смеются. Она то конечно не слышала. Вообще кошмар!

— Слушай, ужас какой! Горилла Макаковна. Это они ее имя так переделали? Представляешь себе кличка! С ума сойти!

— Постой, Тань. А если они нас спросят от кого мы произошли?

— Кто спросит? Ребята?

— Ну да. Мы ведь комсомолки.

— Ну и что?

— Я не знаю, что отвечать.

— И я не знаю. Но я не хочу, чтобы меня обезьяной дразнили.

На самом деле все было так. Когда Соколов спросил про обезьяну, Галина Макаровна совершенно смешалась и не могла ничего возразить. Она не могла ни спрашивать, ни отвечать на вопросы. Что-то внутри словно остановилось. Не было даже нужных мыслей. А после Алешкиного заявления над залом повисла напряженная тишина. Мертвая тишина. Воспитатель не знала, что среди детей поселилась тайна, которую ни за что нельзя открывать взрослым. Эта круговая порука объединяла всех детей. Тайна была такая: у них в детском доме есть Мама, Которая любит их всех. Кто не верил, тому давали в руки икону, он встречался взглядом с глазами Девы Марии, Которая смотрела прямо на него с непостижимой материнской любовью, и сам убеждался в том, что Она его любит. Это был бальзам на сиротские души. Потому что они были раненные, эти детдомовские дети, раненные в сердце, и этих ран никто не видел, а Она видела и исцеляла эти раны. А взрослые были не причастны к этой тайне. Они не смогли бы вместить ее в себя. Ленька под большим секретом научил их молитве, да еще сказал, что Она всегда слышит их. Даже самый хулиганистый парень

из 8 А как-то притих за эту неделю. Они знали уже, что это Богородица и Младенец Христос. И это нужно держать под строгим секретом, иначе отнимут икону. Поэтому они все замерли, ожидая, что скажет Галина. Наконец она словно очнулась, откашлялась и начала читать материал по конспекту. Дети стали шептаться сперва тихо, потом громче, и через пару минут в аудитории стоял гвалт, никто ее не слушал, каждый разговаривал с соседом. Она механически зачитала содержимое лекции, не поднимая глаз и затем всех отпустила. Вот такое получилось занятие. Скомканное. Дома она жаловалась маме, что у нее кошмарный день, что она устала и расстроилась. Объяснять причину не стала. Она очень сильно подозревала, что мама у нее верующая в душе. Сама Галина воспитывалась в советской школе в духе атеизма, и потому презирала религию. Как-то случайно она натолкнулась на старый альбом с фотографиями, там была ее бабушка рядом с человеком в священническом облачении. Бабушку она узнала, а вот этого человека нет. Про дедушку она знала только то, что он сидел в тюрьме, и видно там умер, сама она его никогда не видела. А альбом этот куда-то исчез. Мама вообще не любила говорить на эту тему. Вот после этого занятия, она сама начала думать обо всем этом. Что-то у нее внутри стало меняться. А тут еще сынишка заболел. Да не как-нибудь, а тяжелая и опасная болезнь. Сказать правильнее смертельная.

Галина вообще голову потеряла. Забыла про все свои партийные дела и все свободное время проводила с ребенком. Бесконечные анализы, поликлиники, обследования. Они с мамой жили вдвоем. Отец погиб на фронте. С мужем как-то не сложилось, у него появилась другая семья. А мальчиком своим она очень дорожила. Это была вся ее любовь, вся ее надежда. И вот такое несчастье. Она все глаза выплакала. Прошла зима, весна бушевала, вся природа радовалась жизни, а она осунулась, постарела даже. Занозистость ее исчезла. Она как-то затихла, замолчала, погрузилась сама в себя. Однажды она сидела на скамейке во дворе детдома, тихая как обычно в последнее время.

— Ты что это, милая? Лица на тебе нет. Случилось что? — это нянечка вышла развешивать белье на заднем дворе, и увидев Галину, ласково ее окликнула.

— Не спрашивай, тетя Ань. Беда у меня.

— Что такое, деточка?

— Вовочка мой болеет. Еще осенью заболел. Уже полгода. Лейкемию признали. Тает на глазах. Сама не своя хожу.

— Ой, правда беда. Это плохая болезнь, — она помолчала, повздыхала, потом спросила шепотом,

— А он хоть крещеный у тебя?

— Свекровушка его тайком окрестила, уж потом мне сказали, — тоже шепотом ответила та.

— Это тебе повезло. А сама-то крещеная?

— Крещеная.

— Ну и не плачь. Видишь, как тебя Бог любит. Все крещеные.

— Я не переживу, если что, - она вытерла платочком глаза.

— Ты чем плакать, лучше молилась бы.

— Если бы я умела, тетя Ань. И молиться бы стала. Только бы все было хорошо.

— Да, ни одной церкви в городе не осталось, ни причаститься, ни молебен заказать. Все порушили. Иконку и то не сыщешь. Ты Отче наш читай, знаешь молитву-то?

— Нет, не помню. С бабушкой учила когда-то. Забыла.

— Я тебе спишу тихонечко. Ты уж меня не выдавай.

— Да может не надо, тетя Ань, а то проблемы у меня будут.

— Так они у тебя уже начались, проблемы-то. Неужто не поняла? Богу все можно рассказать. В телефон же вон в трубку говоришь, а там тебя слышат. А тут еще лучше. Господь то и видит, и слышит. И поможет. А я за тебя помолюсь.

— Помолись, тетя Ань.

У Галины выпадали периодически ночные дежурства, как и у всех воспитателей. Теперь, когда она укладывала вечером детей, и когда те засыпали, она уходила в комнатку к тете Ане, которая жила при детском доме. Там они беседовали и молились. Она списала себе несколько молитв и выучила их наизусть, а листочки с молитвами на всякий случай сожгла. Вот тетя Аня ей и рассказала, что здесь был монастырь, пока в начале тридцатых не взорвали храм, и не обвалилась при этом самая верхушка колокольни. В корпусе сестринских келий и трапезной устроили детский дом. А дед Галины был настоятелем храма. Это ему один из прихожан сообщил, что готовится погром монастыря, и он благословил сестер заблаговременно покинуть обитель. Монастырь разграбили, батюшку посадили. Так она узнала историю своего деда. Дежурства выпадали не часто, и она приучилась молиться дома вечерами одна, закрывшись в комнате и погасив свет. А когда Вовочку положили в больницу, она стала часто отпрашиваться с работы, проводя время у кровати сына. Когда мальчик перестал кушать, она поняла, что нужно сделать. Она поняла, за что наказана, и Кто может ей помочь. Как-то раз утром, когда дети были в школьном корпусе на уроках, Галина взяла ключи от мальчиковой спальни,

закрылась изнутри на ключ, подошла к Алешиной кровати, и достала из тумбочки икону. Поставила ее на тумбочку, упала на колени и долго-долго молчала, глядя на Лик Богородицы. Не было слов, даже слез не было. Потом стала просить прощения, вздыхать и молиться своими словами. Сколько времени прошло, она не знала. Но стало как-то спокойно на сердце, давящая тоска ушла. Женщина положила все на место, вышла из спальни и поехала в больницу. Ее уже знал весь персонал. Как-то странно они ее все избегали сегодня. Когда пришла в отделение, медсестра сказала, что он без сознания. Мать вошла в палату, села около него, ребенок лежал, закрыв глаза. Она уже понимала, что если он даже уйдет, то уйдет на небо. Но вот мальчик открыл глазки, посмотрел на нее и слабо улыбнулся.

— Мама, я выздоровею.

— Конечно выздоровеешь, мой милый.

— Я видел во сне красивую тетю и мальчика с ней, они сказали мне, что я поправлюсь. Мама, я кушать хочу.

Галина всполошилась, засуетилась, у нее и слезы лились, и радость трепетала в сердце. Она сбегала на

кухню, выпросила манной каши, и начала понемногу кормить ребенка. Он вскоре сказал, что сыт и устал, и что хочет спать. Галина уложила его поудобнее, закрыла получше одеялом и понеслась домой варить бульон. И вот она снова в палате, ожидая пробуждения Вовочки. Он проснулся радостный, опять попросил кушать, она его накормила, переодела, а сама не могла даже говорить и не верила своему счастью. Все время в душе у нее звучали молитвы благодарности. Утром она с утра прибежала в больницу. Врач ее удивил, у ребенка оказались хорошие анализы.

Она еще два раза таким же образом приходила к иконе с благодарностью и с молитвами. И скоро сына выписали из больницы.

Пасхальное утро было ярким и теплым. Ленька бродил по двору, смотрел задрав голову на облака, вспоминал прошлые летние каникулы, своего крестного, отца Спиридона и даже Георгия.

— Лень, смотри какая погода. Солнце, как летом, и уроков сегодня нет — воскресение! — Алешка подошел к другу.

— Алеш, сегодня праздник большой.

— Какой праздник?

— Тише. Сегодня Пасха. Сегодня Иисус Христос воскрес. Его убили, а Он смерть победил и воскрес.

— Младенец, который на иконе?!

— Да, Он, когда вырос, то много чудес совершал, даже слепых исцелял и мертвых воскрешал.

— Правда?

— Конечно правда. А потом Его убили из зависти. А Он смерти не боится, Он ее победил и воскрес. И нас всех воскресит, когда умрем.

— И мою маму, и моего папу воскресит?!

— Ну конечно. Будет такой день — воскресение мертвых. Тогда все умершие воскреснут, и твои родители тоже. Поэтому такой праздник сегодня — победа над смертью. Знаешь, как нужно говорить? Вот я скажу тебе: "Христос воскрес! ", а ты отвечай: "Воистину воскрес!"

— А если я тебе скажу?

— Говори, только тихо.

— Христос воскрес! — Алешка произнес заговорщицким шепотом.

— Воистину воскрес!

— Пойдем, девчонок поздравим. Вдруг они тоже знают.

— Пойдем, только тихо, не шуми. Наташку позови, — шепотом попросил Ленька, глядя на девочек, играющих в стороне.

— Эй, Кузнецова, поди сюда, — Алеша, соорудив загадочную гримасу, махнул ей рукой.

— Чего тебе, Тарасов? — Наташа подошла улыбаясь.

— Христос воскрес! — он сказал тихо-тихо, но девочка услышала.

— Воистину воскрес. А что сегодня разве Пасха?

— она ответила немного растерянно.

— Пасха, Наташа. Пасха. А ты откуда знаешь, как нужно отвечать? — Ленька даже удивился.

— Бабушка так всегда говорила на Пасху. А можно я Иринке скажу?

— Говори, только тихо.

Девочка отошла к подруге, они о чем-то пошептались.

— Слушайте, давайте заберемся на монастырскую стену, — Алешка вдруг загорелся идеей.

— Или на колокольню залезем, — Ленька поддержал друга.

— Давайте! — девочки тоже согласились, всем хотелось как-то особо отметить праздник.

Они добежали до колокольни, пролезли по обломкам через пустой проем внутрь и подошли к лестнице, ведущей вверх. Она была засыпана строительным мусором, перила шатались, некоторых

ступени обвалились, кое-где росла трава. Когда они обсуждали, как лучше и безопаснее подняться, их вдруг окликнул чей-то голос.

— Эй, пацан, не нужно по лестнице. Ступеньки вверху сломаны, — это сказал какой-то незнакомый парнишка лет девяти. Он, как оказалось, стоял около стены, хотя вначале его никто и не заметил.

— Откуда ты знаешь? И вообще ты кто? Откуда ты взялся? — Ленька недоверчиво посмотрел на незнакомца, — ты из поселка что ли?

— Кира я. Я тут давно хожу. Сам чуть не упал.

— Мы хотели на колокольню залезть. На самый верх, — Ленька показал рукой на верхушку обрушившейся башни.

— Нет, — мальчик покачал головой, — нельзя, разобьетесь.

— Жалко. Так хотелось посмотреть, — Алешка вздохнул с досадой.

— Мне бабушка говорила, что там на стене наверху была написана икона, — Наташа с сожалением посмотрела вверх.

— Там есть икона, точно. Только очень опасно подниматься. А икону можно и внизу посмотреть.

— Врешь! — Алешка вытаращил глаза. Где это внизу могут быть иконы. Они с другом тут давно все исследовали, все облазили, все камешки знают. Здесь одни обломки, которые сверху упали, и крапива растет.

— Да здесь вход есть в подземелье.

— Куда?! — ребята с удивлением смотрели на Киру.

— В подземелье. Здесь под колокольной есть подземелье, там подземный храм, Кира показал на низкую дверь у самой земли.

— Да ты что? Разве туда можно войти? Ты попробуй ее сначала открыть, — Ленька усмехнулся, он не верил ему. Эта дверь вообще не открывается. Она, наверное, заколочена. Уж он-то знает. Как будто он не пробовал сто раз с Алешкой вдвоем, даже камнем пытались стучать. Эта дверь была ужасно загадочной и абсолютно неприступной. Он даже нарисовал ее однажды в альбоме, такой она казалась таинственной и притягательной. Наверное, когда ломали храм ее не заметили, или забыли про нее.

— Конечно можно войти. Тем более сегодня. Пойдем, — Кира уверенно подошел к дверце. Он легко толкнул ее вперед, и дверь со скрипом отворилась.

Ребята в недоумении смотрели на дверь и на мальчика. Как это он ее открыл? Вполне обычно. Толкнул, и она открылась. Кира прошел вперед, они, наклонившись за ним. Было совершенно темно. Ничего не видно.

— Стойте. Здесь ступеньки вниз. Давайте я вперед пройду, - Кира оказался где-то впереди, - сейчас я свет зажгу.

Ленька пожалел, что не взял с собой фонарик. Хотя, сказать честно, батарейки давно сели и светил он кое-как. Он не успел подумать о том, есть ли у этого мальчика спички, а если есть, то откуда, как Кира уже зажег свечу, и помещение озарилось теплым мягким светом. Они увидели ступеньки и осторожно спустились вниз. Это и правда был подземный храм. Здесь был иконостас, за ним очевидно алтарь, перед иконостасом солея, на стенах были фрески. Ребята стояли как замороженные, осматриваясь вокруг. Потом Алеша воскликнул:

— Смотрите! Какая икона! — он удивленно рассматривал огромную икону на стене.

— Это Христос! Вон, видите, буквы около Лика — óмикрон, омéга и ню. Это настенная фреска. Очень красиво, — Ленька вспоминал то, что рассказывал ему Зиновий про иконографию.

Дети рассматривали икону Спасителя и неуверенно крестились.

— А вон там еще проход есть. Там что-то лежит, — Наташа прошла немного вперед, разглядывая помещение.

— Там какая-то пещера и ящики. Похожи на гробы.

— Здесь монахов хоронили. Это подземные пещеры. Я слышала про них. Эти пещеры и подземный храм — все, что уцелело от монастыря. Мне еще бабушка рассказывала, как ее маленькую мама водила сюда на Пасху.

— А вот здесь, смотрите свечи лежат, — Иринка увидела свечи на выступе стены.

— А можно мы зажжем и будем праздновать? — Леня почему-то спросил у Киры, как будто он был здесь главный, тот кивнул молча и раздал всем по свечке, они зажгли их от первой свечи.

Когда подняли свет повыше, Наташа воскликнула: — Смотрите, смотрите — Алешкина икона, только большая!

— Моя икона?.. — он был изумлен, впрочем, как и все остальные.

На стене была большая фреска — икона Знамение. Она очень походила на акварельную икону, даже черты ликов похожи, только она была потемневшей от времени, а местами краска осыпалась. Они стояли как замороженные и смотрели на нее.

— Ну, Алешка, быть тебе священником! — почему-то решила Ирина.

— А я может и буду, когда вырасту, — мальчик задумчиво смотрел на Богородицу и на Младенца.

— А мне кем? — Ленька вдруг захотелось, чтобы ему тоже сказали что-нибудь.

— А тебе – иконописцем.

Они стояли, задумавшись перед Ликом Богоматери, когда дверь отворилась и вошли трое мальчиков.

— Христос воскресе!

— Воистину воскресе! — Кира поприветствовал вошедших, - это мои друзья.

— Сёма! — Ленька бросился к младшему, — ты как здесь оказался?

— Я же говорил, что еще увидимся, вот и увиделись.

— Как ты меня нашел?

— Это секрет. А это вот знакомься — Савва и Давар. Мы вместе. И Кира тоже с нами.

Ленька так радовался встречи с ним, что и спутников его посчитал такими же друзьями. Они все четверо казались чем-то неуловимо похожими между собой.

В это время снова открылась дверь и снова вошли трое, это были монахи: Спиридон, Зиновий и Георгий.

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес! — ответили все хором и дети, и ангелы.

Наташа, увидев Георгия испугалась, она прошептала Иринке:

— Смотри! Это ведь Юрчик!

— Ты что?! Юрчика же убили... еще летом. Это совсем не он, ну похож, конечно.

— Правда похож, только одет по-другому, и глаза другие.

Ленька подошел под благословение к отцу Спиридону, потом обнялся со своим крестным и с

Георгием. Тут снова открылась дверь, и вошла тетя Аня, нянечка. Дети застыли от удивления, они не сразу узнали ее в иноческом одеянии. Отец Спиридон сам подошел к ней и благословил ее. Они о чем-то поговорили, и всем показалось, что он ей поклонился, потом он отошел, облачился и приготовился к службе. Георгий и Савва вошли в алтарь вслед за священником. Зиновий уже стоял на клиросе, а рядом с ним встали Сёма Кира и Давар. В алтаре трижды пропели стихирю Пасхи: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить», хор подхватил, и началась Пасхальная служба. Пение было бесподобным. Время летело незаметно. Когда зазвучала Херувимская песнь, казалось души взлетели ввысь. Лица были просветленные каким-то неземным светом. Все дети причастились.

Потом, много лет спустя, будучи уже взрослыми, они будут вспоминать эту первую свою Пасху. Никогда больше они не услышат такого хора. Никогда больше Пасхальное богослужение не пролетит для них, как одно мгновение. И для девочек, и для Леонида, и для будущего иерея Алексея. Ленька в этот день твердо решил, что будет писать иконы, фрески, расписывать стены в храмах. Он знал, что это невозможно, но он

решил об этом молиться уже сейчас, и верил, что Бог ответит. Мальчик даже стал мечтать о том, как отстроится заново монастырь, храм, как зазвонят колокола, а он будет работать художником и распишет иконами и орнаментом церковные своды высоко над головой.

А вот когда, и в какой именно момент исчезли ангелы, никто не заметил. Их просто не стало видно. Ленька понял, что никогда, никогда их больше не увидит. И было грустно и жалко до слез, и в то же время радостно. Он догадался кто они и знал, что невидимо они где-то есть.

Вечер был тихий. Вдали виднелись огни города. Солнце уходило за горизонт. Последние лучи освещали маленькое деревце на вершине разбитой колокольни. Шамуэль смотрел на уходящее солнце, Керен сидел на краю башни около самой березки, Савва с Даваром о чем-то негромко говорили в стороне. Внизу на крылечке бывшей трапезной щелкнул замок, это закрыли входную дверь. Все прислушались. И в это время послышалась первая молитва. Тихая, короткая. Потом вторая, третья, потом еще. Молитвы разные. Совсем простые короткие

детские, и другие. Звучала и молитва Галины, со слезами и вздохами. Дольше всех слышалась молитва Анны. Она вычитывала монашеское келейное правило, читала Псалтырь, Акафист и долго-долго о чем-то просила. Наконец и она затихла. Савва взмахнул крылом, они поднялись в воздух и замерли над колокольной. На высокой монастырской стене, окружающей всю территорию, все корпуса детского дома, вдруг появились другие ангелы, высокие светлые юноши, опоясанные мечами, это были хранители. Их было много, они стояли по всему периметру крепости, словно на страже и провожали тех, которые уходили в небо. Среди них был один отличавшийся от всех. Выше ростом, в огненных доспехах и с огненным мечом. Он командовал воинством. Это был Ангел Хранитель старицы Анны. И все исчезло. Просто звезды, просто тихая ночь. А вдаль на северо-востоке уже светлело, это приближалась утренняя заря.

Татаринено, Бирюлево
2016, 2022